

ТЕОРИЯ ФИСКАЛЬНОГО СТИМУЛИРОВАНИЯ В ИСТОРИИ МАКРОЭКОНОМИКИ: СОХРАНИТСЯ ЛИ КОНСЕНСУС?

Теоретические воззрения экономистов на роль и потенциал бюджетно-налоговых инструментов в арсенале стабилизационной политики государства развивались и дополнялись на протяжении всей истории макроэкономической науки, отсчет которой ведется от кейнсианской революции 1930-40-х гг. Смена научных школ и направлений, составляющих ядро доминирующего течения макроэкономики, сопровождалась сдвигами в обосновании приоритетов антикризисного регулирования. Цель доклада заключается в анализе особенностей формирования теоретического консенсуса в отношении дискреционной фискальной политики в ходе эволюции макроэкономического мейнстрима от старого кейнсианства к новому неоклассическому синтезу.

Сравнительно успешные результаты активной фискальной политики, рассматриваемой как воплощение кейнсианских рецептов в эпоху Великой депрессии, обусловили ее доминирование в практике проведения стабилизационных мероприятий в развитых странах на несколько десятилетий вперед, вплоть до 1970-х гг. Сочетание теоретической критики кейнсианских принципов «точной настройки» экономики со стороны монетаристов и новых классиков и протекания масштабного структурного кризиса в ведущих экономиках привели к переоценке возможностей фискального стимулирования и появлению альтернативных концепций стабилизационной политики на неоклассической платформе. Как справедливо отмечает О. Ландманн, «в то время как неоклассический синтез рассматривал государство в качестве гаранта макроэкономической стабильности, новые классики настаивали на том, что стабилизационные действия должны проверяться с точки зрения стандартных критериев экономики благосостояния. Если правительство планирует проводить какие-либо интервенции, оно должно прежде всего идентифицировать конкретный провал рынка, который будет подвержен коррекции» [Landmann-2014, p. 6-7]. Но поскольку модели новых классиков состояли из совершенно рациональных экономических агентов, взаимодействующих на совершенно конкурентных рынках, место для активной стабилизационной политики было практически устранено уже на уровне предпосылок.

К началу 2000-х гг. в макроэкономической науке сложилась обратная (зеркальная) ситуация в отношении доминирующего представления о стабилизационной политике, по сравнению с первым этапом ее существования. Если Кейнс и его последователи считали фискальную политику приоритетным направлением, а денежную политику –

малоэффективным и слаборезультативным, то представители нового синтеза, напротив, отдавали приоритет монетарным мерам контрциклического реагирования, рассматривая дискреционную бюджетную политику в качестве вторичной составляющей. Пальма первенства постепенно перешла к денежной политике, которая стала считаться наиболее адекватным направлением антициклической стабилизации, свидетельствуя об отождествлении макроэкономической и ценовой нестабильности и отказе от целенаправленного воздействия на реальный сектор экономики и занятость.

Вплоть до Великой рецессии 2008-2009 гг. монетарные инструменты признавались ключевым элементом антикризисной политики в рамках так называемого нового неоклассического синтеза, в котором и воплотился определенный методологический консенсус в отношении стабилизационного государственного регулирования [Goodfriend, King-1997]. Кейнсианские фискальные инструменты стали считаться ненужным «отголоском» прошедшей эпохи. В теоретическом плане этому способствовали моделирование денежных правил [Taylor-1993; Ball-1997] и критика дискреционных мер бюджетно-налоговой политики [Taylor-2000], а на практике утвердился особый режим денежно-кредитного регулирования в виде инфляционного таргетирования [Clarida et.al-1998, 2000].

Ключевые выводы нового синтеза для макроэкономической политики были суммированы в статье Г. Мэнкью и М. Вейнцера [Mankiw, Weinzierl-2011]. Ими сформулирована иерархия инструментов стабилизационного реагирования, которая выглядит следующим образом (в порядке снижения приоритетности):

- стандартные меры монетарной политики (влияние на процентные ставки путем операций на открытом рынке) – при отсутствии проблемы достижения нижней границы процентных ставок;
- нестандартные меры монетарной политики (изменение размера и структуры баланса центрального банка);
- автоматическая фискальная политика (действие встроенных стабилизаторов);
- дискреционная фискальная политика (наименее желательный вариант).

Согласно докризисному конвенциональному мнению макроэкономистов мейнстрима, обеспечение ценовой стабильности может способствовать сокращению волатильности темпов экономического роста и, следовательно, минимизирует амплитуду циклических колебаний. Р. Лукас еще в 2003 г. сделал свой знаменитый вывод о том, что макроэкономическая наука уже решила свою ключевую проблему – недопущения депрессий – на несколько десятилетий вперед [Lucas-2003, p. 1]. Правильно выстроенная

денежно-кредитная политика является лучшим инструментом достижения низких темпов роста цен, но важным условием для ее эффективности служит доверие экономических агентов к монетарным властям, ради завоевания которого их действия должны быть четкими, последовательными и предсказуемыми. Обращаясь к известной дилемме «правила против дискреционных решений», сторонники нового синтеза делают акцент на большей эффективности той денежной политики, которая следует определенным заранее объявленным правилам. При этом иногда для выполнения своих прямых обязанностей оптимальным для монетарных властей может быть проведение политики «ограниченной дискреции», но для ее эффективной реализации центральный банк должен сформировать доверие общества к своим действиям. Теория монетарной политики в рамках нового синтеза послужила основой для стратегий таргетирования инфляции, применяемых множеством центральных банков по всему миру.

Предкризисный консенсус мейнстрима в отношении макроэкономической политики, казалось бы, хорошо работал в условиях стабильного экономического развития ведущих стран, наблюдавшегося с середины 1980-х гг. Однако хозяйственная практика последних семи лет показала, что рекомендации по преодолению небольших циклических кризисов могут оказаться не совсем верными для периодов масштабных потрясений, затрагивающих всю глобальную экономику. Рыночная система может существовать по одним законам в период «затишья» и общего подъема мирового хозяйства и совершенно по другим – в ситуации общемировой рецессии. Несколько «шоков» могут надолго вытолкнуть рыночную экономику из состояния устойчивого долгосрочно равновесия, и для возврата к прежним темпам роста могут потребоваться гораздо бóльшие усилия, чем простые меры монетарной стабилизации (пусть и с применением нестандартных инструментов), выработанные для борьбы с временными сложностями циклического характера.

Для обоснования макроэкономической политики в условиях рецессий, превосходящих по своему разрушительному воздействию стандартные циклические спады, доминирующая исследовательская программа мейнстрима не является убедительной. Мы полностью разделяем позицию П. Темина и Д. Вайнса, которые полагают, что пока что DSGE-модели не являются большим подспорьем для анализа глобального кризиса 2008-2009 гг., а также экономической политики, требуемой для недопущения подобных кризисов в будущем [Темина, Вайнс-2015, с. 445-446]. Опыт антикризисной политики периода Великой рецессии, на наш взгляд, должен привести к переосмыслению рекомендаций нового синтеза, касающихся места фискального стимулирования среди других направлений макроэкономической стабилизации.